

В. А. ВИКТОРОВИЧ*

ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА

Исследуется интертекстуальность трех произведений Достоевского. В повести «Белые ночи» это аллюзии на роман Пушкина «Евгений Онегин». Татьяна и Онегин поставлены в новые условия и обнаруживают способность к иным поступкам, вводится мотив «любовь — жалость». В романе «Подросток» одно из суждений героя о матери напоминает высказывание героя повести Л. Н. Толстого «Детство» о няне. Можно говорить о влиянии сословных предрассудков на героев Толстого и Достоевского. В повести «Кроткая» исследуется проявление «комплекса Пигмалиона» и генетическая связь произведений Достоевского с романом И. А. Гончарова «Обыкновенная история».

Ключевые слова: Достоевский, интертекст, Пушкин, Л. Толстой, Гончаров.

«Белые ночи»

«Онегинское» в произведениях Достоевского обнаруживает себя неоднократно, что уже было замечено¹. Эхо пушкинского романа можно расслышать еще в одном произведении — в повести «Белые ночи». «...Я вас давно уже знал, Настенька, потому что я уже давно кого-то искал, а это знак, что я искал именно вас и что нам было суждено теперь свидеться...» (2, 114). Напоминает признание Татьяны:

Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...

* Владимир Александрович Викторovich, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета — VA_Viktorovich@mail.ru.

Vladimir Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature of the State Social and Humanitarian University

¹ См.: Викторovich В. А. «Онегин» Достоевского // Викторovich В. А. «Евгений Онегин». Роман читателя. Нижний Новгород, 2017. С. 207–235.

Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно...

(66)²

От Пушкина через Мечтателя — «платоновский» мотив доходит до Мышкина с его «я вас тоже будто видел где-то. <...> Может быть, во сне...» (8, 90).

Роль Татьяны, которая «верит избранной мечте» (62), в «Белых ночах» берет на себя герой-мечтатель «сентиментального романа», и потому он тоже знает предел одиночества: «я здесь одна, никто меня не понимает» (67) / «Если б вы знали, в каком я теперь одиночестве!» (2, 132).

Мечтатель Достоевского прошел школу Татьяны, что очевидно, когда он учит Настеньку писать письмо любимому человеку: «“Милостивый государь! Извините, что я...” Впрочем, нет, не нужно никаких извинений! Тут самый факт все оправдывает, пишите просто: “Я пишу к вам. Простите мне мое нетерпение; но я целый год была счастлива надеждой; виновата ли я, что не могу теперь вынести и дня сомнения? <...> Вы благородный человек. Вы не улыбнетесь и не досадуете на мои нетерпеливые строки. Вспомните, что их пишет бедная девушка, что она одна, что некому ни научить ее, ни посоветовать ей и что она никогда не умела сама совладеть с своим сердцем”» (2, 126).

Слова пушкинской героини либо повторяются, либо варьируются.

Я к вам пишу — чего же боле?

<...>

Но вы, к моей несчастной доле

Хоть каплю жалости храня,

Вы не оставите меня.

<...>

Но мне порукой ваша честь...

(65–67)

Говоря за Настеньку, что «она никогда не умела сама совладеть с своим сердцем», Мечтатель (он ведь это говорит и о себе), кажется, вспоминает «нравоучение» Онегина: «Учитесь властвовать собою» (79).

Тема Татьяны варьируется и в реальной истории Настеньки. Это любовь, которая властно захватывает все ее существо, внезапно и бесповоротно. В европейской литературе и до, и после Пушкина,

² Роман «Евгений Онегин» цитируется (с указанием в скобках страницы) по изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 6. М., 1937. 691 с.

а впоследствии и у Достоевского мы наблюдаем этот чрезвычайно распостранившийся, могучий мифопоэтический мотив «любовного напитка», неконтролируемой страсти³. В пушкинском романе героиня пишет письмо-признание, выходящее за рамки приличия, но еще рискованнее поступает героиня Достоевского — теряя голову, перешагивая через ужас позора в развитие темы «стыдом и страхом замираю» (67): «Я навязала в узелок все, что было платьев, сколько нужно белья, и с узелком в руках, ни жива ни мертва, пошла в мезонин к нашему жильцу. Думаю, я шла целый час по лестнице. Когда же отворила к нему дверь, он так и вскрикнул, на меня глядя. Он думал, что я привидение, и бросился мне воды подать, потому что я едва стояла на ногах. Сердце так билось, что в голове больно было, и разум мой помутился. Когда же я очнулась, то начала прямо тем, что положила свой узелок к нему на постель, сама села подле, закрылась руками и заплакала в три ручья. Он, кажется, мигом все понял...» (2, 124).

Прервем рассказ Настеньки на этом месте. Наступает решительный момент выбора без выбора для безымянного героя, названного в романе «жильцом» (по контрасту с безымянным же «мечтателем»). Его реакция в чем-то существенно напоминает о сцене объяснения Онегина с Татьяной в четвертой главе пушкинского романа.

«Он, кажется, мигом все понял и стоял передо мной бледный и так грустно глядел на меня, что во мне сердце надорвало.

— Послушайте, — начал он, — послушайте, Настенька, я ничего не могу; я человек бедный; у меня покамест нет ничего, даже места порядочного; как же мы будем жить, если б я и женился на вас?

Мы долго говорили, но я наконец пришла в исступление, сказала, что не могу жить у бабушки, что убегу от нее, что не хочу, чтоб меня булавкой пришиливали, и что я, как он хочет, поеду с ним в Москву, потому что без него жить не могу. И стыд, и любовь, и гордость — все разом говорило во мне, и я чуть не в судорогах упала на постель. Я так боялась отказа!

Он несколько минут сидел молча, потом встал, подошел ко мне и взял меня за руку.

— Послушайте, моя добрая, моя милая Настенька! — начал он тоже сквозь слезы, — послушайте. Клянусь вам, что если когда-нибудь я буду в состоянии жениться, то непременно вы составите мое счастье; уверяю, теперь только одни вы можете составить мое счастье. Слушайте: я еду в Москву и пробуду там ровно год. Я надеюсь устроить дела свои. Когда ворочусь, и если вы меня не разлюбите, клянусь вам, мы будем счастливы. Теперь же невозможно, я не могу, я не вправе хоть что-нибудь обещать» (2, 124–125).

«Онегинское» неумолимо просвечивает в этом признании.

³ См.: *Реизов Б. Г. «Униженные и оскорбленные» и проблемы зарубежной литературы* // Реизов Б. Г. История и теория литературы: Сб. ст. Л., 1986. С. 210–228.

Когда бы жизнь домашним кругом
 Я ограничить захотел;
 Когда б мне быть отцом, супругом
 Приятный жребий повелел;
 Когда б семейственной картиной
 Пленился я хоть миг единый, —
 То верно б кроме вас одной
 Невесты не искал иной.
 Скажу без блесков мадригальных:
 Нашед мой прежний идеал,
 Я верно б вас одну избрал
 В подруги дней моих печальных,
 Всего прекрасного в залог,
 И был бы счастлив... сколько мог!
 (78)

Различествуют мотивировки: Онегин ссылается на опустошенность души, Жилец — на материальные трудности. Это Онегин разночинских углов. И самое-то главное, в отличие от пушкинского героя: он не отвергает с порога, а только *разумно* откладывает свалившееся на него «счастье».

Только вряд ли говорит в нем любовь; любящие так не выражают свои чувства: «стоял передо мной бледный и так грустно глядел на меня». В этой ситуации решение, что характерно, не сразу принято Жильцом. «Он несколько минут сидел молча» — любящие так долго не раздумывают. Очевидно, что не любовь, а жалость («сквозь слезы») продиктовала слова, спасавшие «душу падшую» от приступа отчаяния (вот смысл словечка «теперь»!). Это, может быть, то, на что безнадежно надеялась Татьяна:

Но вы, к моей несчастной доле
 Хоть каплю жалости храня,
 Вы не оставите меня.

(65)

Акт милосердия, не любви открывается в этой, по существу, «контр-онегинской» сцене у Достоевского, пролог то ли к самопожертвованию князя Мышкина, то ли к разумному эгоизму Лопухова (впрочем, и в поступках Мышкина толпа усматривает ходовой мотив культового романа — 8, 477).

Нашу догадку поддерживает и то обстоятельство, что Жилец по возвращении из Москвы через год не спешит к Настеньке, даже и после его отчаянного письма (шесть дней до и три дня после письма). Тогда-то ненадолго открывается ей неприкрашенная истина⁴: «Как вспомню, что я пришла к нему в первый раз сама, что я перед ним унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви...», «вы любите, а он не любил меня» (2, 133, 136).

⁴ Ближе всех к ней подошел Робер Брессон в фильме «Четыре ночи мечтателя» (1971).

Судьба Настеньки устраивается счастливо: оказывается, что все-таки «он <Жилец> воротился влюбленный, он никогда не забывал обо мне...» (2, 140). Вот все, что нам сообщают о перевертыше Онегина, теперь уже «влюбленного», но читатель вряд ли может верить этим словам так, как верит (или хочет верить) героиня. Да и в запоздалую любовь самого Онегина автор Пушкинской речи, как мы знаем, не очень-то верил (см.: 26, 143).

Достоевский, вослед Пушкину, расставляет зеркала в композиции своего «сентиментального романа», удваивая ситуацию, в которой один любит, а другой только принимает любовь; и вот уже Мечтатель, в свою очередь, открывает, что на его любовь отвечают всего только жалостью: «Вам жаль меня, Настенька; вам просто жаль меня...» (2, 135).

В журнальном варианте «Неточки Незвановой» героиня-мечтательница признавалась: «...я обкрадывала беспощадно моих любимых авторов. Таким образом я переделала в голове всего Вальтера Скотта по-своему, затем что по канве его романов как-то любовнее принималось мое сердце рассказывать себе же самому, в самых узорчатых, самых прихотливых формах, свои теплые, прихотливые, до сужие грезы» (2, 452). В этих словах автор как будто приоткрывает перед нами свою собственную творческую лабораторию (возможно, по причине чрезмерной откровенности последнее предложение было вымарано в последующем издании повести). В рассмотренном случае «по канве» «Евгения Онегина» Достоевским рассказана другая, «прихотливая» версия сюжета, развившая едва только намеченную у Пушкина тему «любви-жалости». Новый автор, как мы знаем, на этом не остановился...

«Подросток»

Аркадий Макарович, пытаясь понять, что произошло между его матерью, дворовой девушкой, и отцом-помещиком, позволяет себе предположить: «Почем знать, может быть, она полюбила до смерти... фасон его платья, парижский пробор волос, его французский выговор <...>. Я слышал, что с дворовыми девушками это иногда случалось во времена крепостного права, да еще с самыми честными» (13, 12).

От кого такое мог слышать герой Достоевского? Не исключено, что от другого подростка из повести Л. Н. Толстого «Детство». В главе «Наталья Савишна» так передана история ее несчастной любви: «Но напудренная голова и чулки с пряжками молодого бойкого официанта Фоки <...> пленили ее грубое, но любящее сердце. Она даже сама решила идти к дедушке просить позволения выйти за Фоку замуж»⁵.

⁵ Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность / Подг. Л. Д. Опульская. М., 1979. С. 31. («Литературные памятники»).

Вот еще одна «версия» пушкинской Татьяны, явно сниженная, потому что рассказана свысока, с точки зрения повествователя, не свободного от замашек барчука (чего стоит оксюморон «грубое, но любящее сердце»). Подросток Достоевского оказывается также не чужд дворянскому высокомерию, хотя тут же и оговаривается: «Я это понимаю, и подлец тот, который объяснит это лишь одним только крепостным правом и “приниженностью”» (13, 12).

Герои обоих писателей действительно способны понять и оценить красоту любящего сердца и кристальной души простолюдинки, но словная спесь проникла гораздо глубже «понятия».

«Кроткая»

Среди черновых набросков к повести «Кроткая» имеется такое признание героя: «Я и любил ее так, — именно за *создание* мое, как за существо, которому я дал свет и жизнь» (24, 347, курсив здесь и далее мой — В. В.). Таких точно слов нет в окончательном тексте, но высказанная в них *идея* осталась и получила развитие.

«...я хотел *привить* широкость прямо к сердцу, *привить* к сердечному взгляду...» (24, 13).

«Я хотел, чтоб она стояла предо мной в мольбе за мои страдания...» (24, 14). То есть как бы словно статуя, им же созданная?

«...мне же слишком был надобен друг. Но я видел ясно, что друга надо было *приготовить, доделать* и даже победить» (24, 24).

«Она была единственным человеком, которого я *готовил себе*...» (24, 24).

«Идея», «план», «система» — как бы сейчас сказали, «проект» конструирования, переформатирования другого человека по заданной программе — вот что захватило и повело за собою героя Достоевского после знакомства с Кроткой. Замысел заключался в обретении владычества над чужим сознанием, волей, душой: Закладчик в этом смысле — вариация открытого писателем типа подпольного человека с его «волей к власти». Но вариация с новой поправкой. Рассмотрим мотивации предшественников.

Герой «Записок из подполья» хотел быть победителем хотя бы Лизы.

Господин Лужин («Преступление и наказание») желал приобрести в Авдотье Романовне навеки обязанное и преданное ему существо⁶.

Начало мотива можно усмотреть еще в «Неточке Незвановой», в истории Александры Михайловны, муж которой упивается тайной властью, полученной им над «грешницей».

⁶ Лужин вспоминается и при словах Закладчика: «Ну, гордая! Я, дескать, сам люблю горденьких. Гордые особенно хороши, когда... ну, когда уж не сомневаешься в своем над ними могуществе...» (24, 12).

Сюжет, когда муж-деспот терроризирует жену, овладев тайной ее измены, после «Неточки Незвановой» сказался в модном романе французского писателя Эрнеста Фейдо «Фанни». Он многократно переиздавался и выходил в русском переводе⁷. Более чем вероятно, что он был известен и автору «Кроткой»: в статье «Забитые люди» Добролюбов сопоставлял с произведениями Достоевского роман Фейдо, который «сразу приобрел себе европейскую известность и массу поклонников»⁸. В этом романе Достоевского мог привлечь и еще один поворот сюжета: муж не просто терроризирует жену, но делает это весьма утонченно, и она, по существу, оказывается его созданием, которым он умело манипулирует. Говоря современным языком, она им клонирована и выйти из этого состояния не имеет никаких сил.

Так называемый комплекс Пигмалиона, прежде чем он дошел до «Кроткой», получил в русской литературе впечатляющую актуализацию в творчестве И. А. Гончарова. Обычно этот мотив видят в романе «Обломов» (Ольга — Обломов), но гораздо ближе к Достоевскому оказывается в этом смысле роман «Обыкновенная история» (опубликованный следом за «Бедными людьми» и также ставший громким дебютом). В нем мы наблюдаем интересный композиционный прием: сюжетная линия второго плана в финале неожиданно выдвигается на авансцену и становится едва ли не ключевой. Я имею в виду отношения Петра Ивановича Адуева (дядюшки) с его женой Лизаветой Александровной (тетушкой). В основание брака дядюшка положил хорошо продуманную им «методу»: «...чтоб быть счастливым с женщиной, <...> разумно, — надо много условий... надо уметь образовать из девушки женщину по обдуманному плану, по методе, если хочешь, чтоб она поняла и исполнила свое назначение. Надо очертить ее магическим кругом, не очень тесно, чтоб она не заметила границ и не переступила их, хитро овладеть не только ее сердцем — это что! это скользкое и непрочное обладание, а умом, волей, подчинить ее вкус и нрав своему, чтоб она смотрела на вещи через тебя, думала твоим умом... <...> Предоставь ей свободу действий в ее сфере, но пусть за каждым ее движением, вздохом, поступком наблюдает твой пронизательный ум, чтоб каждое мгновенное волнение, вспышка, зародыш чувства всегда и всюду встречали снаружи равнодушный, но не дремлющий глаз мужа. Учреди постоянный контроль без всякой тирании... да искусно, незаметно от нее и веди ее желаемым путем... О, нужна мудреная и тяжелая школа...»⁹.

Можно заметить, что подобную «школу» предназначил для Кроткой и Закладчик. Имя «кроткая» вполне подходит и героине Гончарова: кроткая не только и не столько по изначальной своей природе, сколько *укрощенная* искусным дрессировщиком. Невольно в этот ряд

⁷ См.: Фейдо Э. Фанни. Этюд. Перевод с французского. СПб., 1858. 85 с.

⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 231.

⁹ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 303.

становится сюжет шекспировского «Укрощения строптивой»¹⁰ как образец успешного приручения, откровенной муштровки сознания и воли женщины. В западной культуре этот мотив позднее обретет оппозицию в виде сюжета «укрощенного укротителя» («Пигмалион» Д. Б. Шоу и др.), русская же литература в лице Гончарова и Достоевского еще раньше и гораздо радикальнее опишет *поражение Пигмалиона*.

«Тоска» и «недоумение» — такими словами определяется в финале романа Гончарова состояние Петра Иваныча, без пяти минут тайного советника и успешного предпринимателя. Горькие плоды пожинает его дирижирование другим человеком: всецело подчинившаяся деспотии его ума и воли тетушка незаметно утратила вкус жизни. «Методичность и сухость его отношений к ней простерлись, без его ведома и воли, до холодной и тонкой тирании, и над чем? над сердцем женщины!»¹¹

Герой «Обыкновенной истории», в конечном итоге отрекаясь от своего господства, приходит к решению, почти столь же запоздалому, как затем герой «Кроткой».

«Ему что-то говорило, что если б он мог пасть к ее ногам, с любовью заключить ее в объятия и голосом страсти сказать ей, что жил только для нее¹², что цель всех трудов, суеты, карьеры, стяжания — была она, что его методический образ поведения с ней внушен был ему только пламенным, настойчивым, ревнивым желанием укрепить за собой ее сердце... Он понимал, что такие слова были бы действием гальванизма на труп...»¹³

Петр Иваныч отрекается и от «карьеры», и от «стяжания» (ср.: «Я предложил ей вдруг раздать все бедным...» — 24, 30), но великие жертвы (как впоследствии и в «Кроткой») встречают в ответ лишь недоумение и приступ смертного сожаления: «Что за странная моя судьба! — прибавила она почти с отчаянием. — Если человеку не хочется, не нужно жить... неужели Бог не сжалится, не возьмет меня?»¹⁴

Дальнейший ход действия у Гончарова не пошел до конца по такому сценарию, как впоследствии у Достоевского. Предположение

¹⁰ Не исключено, что с указанным мотивом связана черновая запись к «Кроткой»: «Купил Шекспира. Спросила меня: что такое компромисс? Я отвечал» (24, 331). Вопрос о «компромиссе» в этом случае нетрудно связать с сюжетом главной героини «Укрощения строптивой» Катарины, с которой Кроткая могла ассоциировать свое положение укрощаемой. В черновиках Достоевского чуть выше — запись «Ричард Шекспира» (24, 330), отсылающая к трагедии «Ричард III». Следует заметить, что и в этой пьесе один из важнейших мотивов — укрощение, покорение женщины (иную трактовку этих записей см.: 24, 388–389, комментарий).

¹¹ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. С. 459.

¹² Ср.: «Все во мне сотряслось, и я так и рухнул к ногам ее. <...> и все бормотал ей, что я ее люблю, что я не встану, “дай мне целовать твое платье... так всю жизнь на тебя молиться...”» (24, 28).

¹³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. С. 460.

¹⁴ Там же. С. 462.

«может быть, уж... поздно»¹⁵ остается лишь предположением. (Ср.: «Опоздал!!! <...> Измучил я ее — вот что! <...> Рай был у меня в душе, я бы насадил его кругом тебя!» — 24, 35).

— Так едем в Италию? — спросил он.

— Хорошо, поедem, — отвечала она монотонно¹⁶.

«Италию» у Достоевского заменит «Булонь» с тем же, вероятно, смыслом: «Там солнце, там новое наше солнце...» (24, 30).

Новое солнце («Италия») у Гончарова поставлено под большое сомнение. Достоевский пошел дальше и довел нового Пигмалиона до последней и уже необратимой черты.

...Однако не все так просто, и еще одна «Галатее» требует к себе внимания комментатора «Кроткой».

Закладчик признается: «Нравились мне тоже разные мысли, например, что мне сорок один, а ей только что шестнадцать. Это меня пленяло, это ощущение неравенства, очень сладостно это, очень сладостно» (24, 13). Нетрудно заметить, что Достоевский передал своему герою ту самую разницу в возрасте в четверть века, которая была между ним и Анной Григорьевной, его женой. Но этого мало. По отношению к молодой супруге писатель переживал нечто похожее на пресловутый комплекс Пигмалиона. Меньше, чем через три месяца после свадьбы он пишет ей:

«Мне Бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя Богу развитой, направленной, сохраненной, спасенной от всего, что низко и дух мертвит...» (28₂, 184).

Эти строки написаны во время поездки в Гомбург, в игорный дом, в них читается раскаяние и упрек к самому себе, пока только в начальной стадии спасительной самоказни (характерна следующая затем оговорка: «эта мысль беспрерывно и прежде мне втихомолку про себя приходила, особенно когда я молился»). Следует при этом заметить, что комплекс Пигмалиона, при некотором очевидном сближении автора и героя «Кроткой», все же у первого повернут как бы в другую сторону: это, если можно так выразиться, Пигмалион-христианин¹⁷, его Галатее — не способ самоутвердиться и сотворить себе оправдание (Раскольников поначалу для этого именно «выбрал» Соню), но как «долг, завещанный от Бога» (по выражению пушкинского Летописца).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ По поводу цитированного письма Достоевского и использованных там «садоводческих, земледельческих» терминов Т. А. Касаткина замечает: «Муж возвращает и возделывает жену, как человечество — землю, как Христос — человечество» (Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 400).

Достоевский, как представляется, исполнил этот долг: Анна Григорьевна с ее жизненной миссией может быть понята как еще одно *творение* Достоевского¹⁸.

Разные бывают Пигмалионы и Галатеи.

Библиографический список

- Викторович В. А.* «Онегин» Достоевского // Викторович В. А. «Евгений Онегин». Роман читателя. Нижний Новгород, 2017. С. 207–235.
- Гончаров И. А.* Обыкновенная история // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 172–469.
- Добролюбов Н. А.* Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 225–275.
- Касаткина Т. А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. 528 с.
- Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 6. М., 1937. С. 1–205.
- Реизов Б. Г.* «Униженные и оскорбленные» и проблемы зарубежной литературы // Реизов Б. Г. История и теория литературы: Сб. ст. Л., 1986. С. 210–228.
- Толстой Л. Н.* Детство. Отрочество. Юность / Подг. Л. Д. Опульская. М., 1979. 528 с. («Литературные памятники»).
- Фейдо Э.* Фанни. Этюд. Перевод с французского. СПб., 1858. 85 с.

V. A. Viktorovich

COMMENTATOR'S NOTES

The intertextuality of Dostoevsky's three works is investigated. The story "Belyje nochi" has some allusions to Pushkin's novel "Evgenij Onegin". Tatiana and Onegin are placed in new conditions and discover the ability to do other things, the motif "love — pity" is introduced. In the novel "Podrostok", one of the hero's judgments about the mother resembles the statement of the hero of Leo Tolstoy's story "Detstvo" about the nanny. We can talk about the influence of class prejudices on the heroes of Tolstoy and Dostoevsky. The story "Krotkaja" explores the manifestation of the "Pygmalion complex" and the genetic connection with the novel I. A. Goncharov's "Obyknovennaja istorija".

Key words: Dostoevsky, intertext, Pushkin, L. Tolstoy, Goncharov.

¹⁸ Она, в свою очередь, послушно отдалась «лепке», чего не случилось, очевидно, с Марией Дмитриевной или Аполлиinarieй. Ее непосредственное участие в творческом процессе великого художника не могло пройти бесследно.

References

- Goncharov I.A. Obyknoennaya istoriya. In: Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem*: in 20 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 1997. P. 172–469. (In Russ.)
- Dobrolyubov N.A. Zabitye lyudi. In: Dobrolyubov N.A. *Sobr. soch.*: in 9 vols. Vol. 7. Moscow; Leningrad, 1963. P. 225–275. (In Russ.)
- Fejdo E. *Fanni*. Etyud. Perevod s francuzskogo. Saint Petersburg, 1858. 85 p. (In Russ.)
- Kasatkina T.A. *Svyashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyj obraz v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo*. Moscow, 2015. 528 p. (In Russ.)
- Pushkin A. S. Evgenij Onegin. In: Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.*: in 16 vols. Vol. 6. Moscow, 1937. P. 1–205. (In Russ.)
- Reizov B. G. “Unizhennye i oskorblennye” i problemy zarubezhnoj literatury. In: *Istoriya i teoriya literatury*: Sb. st. Leningrad, 1986. P. 210–228. (In Russ.)
- Tolstoj L. N. *Detstvo. Otrochestvo. YUnost'*, podg. L. D. Opul'skaya. Moscow, 1979. 528 p. (“Literaturnye pamyatniki”). (In Russ.)
- Viktorovich V.A. “Onegin” Dostoevskogo. In: “*Evgenij Onegin*”. *Roman chitatelya*. Nizhnij Novgorod, 2017. P. 207–235. (In Russ.)